

Л.С.Хейфец, К.А.Коновалова

Национализм в Латинской Америке XXI века: идеи, метаморфозы, примеры

В статье исследуется специфика латиноамериканского национализма XXI в. в рамках международного контекста. В работе применены метод классификации и историко-сравнительный метод. Понимая национализм широко, как идею о нации как важнейшей политической ценности и социальной общности, авторы приводят краткие замечания об истоках современного латиноамериканского национализма и определяют его типы. Анализируются три региональных примера: национализм «новых левых», правонационалистический проект Жаира Болсонару в Бразилии, а также современный аргентинский перонизм как «центристский» национализм, сформировавшийся на базе массового политического движения. Тем самым авторы показывают, как национализм вписывается в различный идеологический и режимный контекст. В статье уделено внимание как практическим, так и дискурсивным воплощениям националистических мировоззрений в политическом курсе лидеров и партий. Теоретическая значимость данного исследования обусловлена тем, что рассматриваемые проблемы недостаточно изучены в современной российской латиноамериканистике. В то же время анализ актуальных форм латиноамериканского национализма позволяет более полно увидеть нынешнюю политико-идеологическую динамику региона.

Ключевые слова: Латинская Америка, национализм, континентализм, боливарианизм, перонизм, государство развития.

DOI: 10.31857/S0044748X0006407-6

Статья поступила в редакцию 30.04.2019.

Национализм в Латинской Америке — актуальный и при этом исторически укорененный феномен. Можно назвать два главных источника этого

Лазарь Соломонович Хейфец — доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований факультета международных отношений СПбГУ (ilaganspb@hotmail.com); Ксения Александровна Коновалова — аспирант факультета международных отношений СПбГУ (РФ, 191060 Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, misssienna@yandex.ru).

Статья подготовлена по гранту РФФИ «Место Латинской Америки в новом миропорядке: перспективы и вызовы» (№ 19-014-00042 А).

явления. Во-первых, Латинская Америка цивилизационно и в плане политических форм принадлежит к западному сообществу. Это приводит к «резонированию» региона с североамериканской, а также европейской политической динамикой и интеллектуальными традициями. Избрание Дональда Трампа президентом США и разгул правого популизма в Европе отражают разочарование обществ и политических элит, связанное с жизнью в мире победившего либерального центризма под знаком глобализации. Противодействуя постнациональной гуманистической этике, сложившейся как норма западной политики в последние десятилетия, феномен Трампа расширяет «окно дискурса» во всем Западном полушарии. Следствием этого становится появление как сходных с трампизмом политических программ, так и тех, что воплощают негативную реакцию на него. В первом случае можно говорить о Жаире Болсонару в Бразилии, с которым, как считается, бывший главный стратег Трампа Стивен Бэннон поделился не только идеями, но и технологиями предвыборной борьбы [1]. Во втором случае показателен национальный популизм слева нового мексиканского президента Андреса Мануэля Лопеса Обрадора.

Стремление восстановить эффективность национальных границ и на развитом Западе, и в Латинской Америке является следствием миграционных кризисов. Центральноамериканский и венесуэльский миграционные кризисы вызвали общелатиноамериканскую реакцию, провоцируя националистический ответ самых разных сил, и не только правых. Предвыборная агитация Лопеса Обрадора была построена на апелляциях к терпимости по отношению к мигрантам, но по состоянию на март 2019 г. статистика фиксирует большие показатели задержаний и депортаций, чем это было при предыдущем правительстве, хотя, конечно, это объясняется и самой интенсификацией миграционного потока [2].

Крушение Союза Южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, Unasur), которое аргентинский ученый Николас Комини по аналогии с «Брекзитом» в Евросоюзе назвал «Судамекзитом» [3], с точки зрения националистической реакции может трактоваться двояко. С одной стороны, так как Unasur был проектом солидарного суверенного позиционирования стран Южной Америки на мировой арене, его крах означает общую деконструкцию субрегионального паннационализма и откат к атомизации южноамериканского геополитического пространства [4]. С другой, поскольку у Unasur появился преемник — Форум во имя прогресса Южной Америки (Foro para el Progreso de América del Sur, Prosur), — инициированный южноамериканскими правыми, стремящимися к большей свободе рук во внешней политике, чем это было возможно в условиях идеологии южноамериканского единства, падение Unasur можно рассматривать и как своеобразный «переход» местных форм национализма с общерегионального уровня на государственный. В целом обе интерпретации указывают на критическую оценку политическими силами региона глобализации и регионализма как взаимосвязанных явлений, что соответствует и контексту Брекзита.

Латиноамериканский национализм есть реакция на такие специфические обстоятельства развития именно стран региона, как острые социально-экономические проблемы, этнорасовая гетерогенность и конфликтность, периферийное положение в мировой системе. Будучи исторической константой Латинской Америки, данные обстоятельства породили множе-

ство исторических же образцов особой национальной и региональной идентичности, неизменно возрождаемых и романтизируемых политиками последующих поколений. Самый «говорящий» пример — венесуэльский президент Уго Чавес (1998—2013) и его «Социализм XXI века», базирующийся на интерпретациях заветов героя Войны за независимость Симона Боливара. О «комплексе периферийности» следует сказать особо: он постоянно возвращает латиноамериканские государства к вопросу о том, принадлежат ли они с точки зрения пути, по которому развиваются их политические системы, к мировой «норме» или «аномалии». Этот вопрос в каждом конкретном случае решается по-разному, но сама его актуализация провоцирует концентрированное внимание к региональной и национальной «самости».

В данной работе мы сосредоточимся на следующих условных типах национализма в Латинской Америке XXI в. как наиболее значимых для регионального контекста.

— «Гражданский» национализм. Его можно связать с любыми внутригосударственными преобразованиями, представляющими ответ комплексу «победившего центризма и неолиберального глобализма» в соответствии с представлениями политиков о самобытной или, напротив, западно-универсальной национальной латиноамериканской специфике. Поэтому его составными частями будут как распространенные в общезападном дискурсе мифы национального единства во имя преодоления любой общественно-политической фрагментации, так и типичные для развивающегося мира концепты, например, государство развития.

— «Культурно-цивилизационный» национализм, разрешающий вопрос о должной мере «латиноамериканскости» в политических опытах региона. Его внутригосударственное измерение предполагает подход к расовому и этническому разнообразию либо через интеграцию «коренных» элементов и представление их основой национально-цивилизационной особенности соответствующих политических систем, либо через их вытеснение. Внешнеполитическое измерение порождает концепции «латиноамериканизма», «южноамериканского континентализма», «Нашей Америки» и подобные им. Данный феномен широко изучен в научной литературе [5, сс. 221-260, 303-328; 6] и играет большую роль для понимания хода интеграционных процессов в регионе.

— «Внешнеполитический» национализм. Это — все формы позиционирования латиноамериканских игроков на международной арене как «суверенных», «сильных», «особых». Сюда можно отнести и случаи притязаний на спорные территории — они акцентируют национальную «самость» через стремление расширить физическое пространство, которым она ограничена, — и традиции антиамериканизма, и непосредственно «великодержавные» проекты отдельных стран региона.

НАЦИОНАЛИЗМ И ЛЕВЫЕ СИЛЫ В РЕГИОНЕ

Из-за остроты социально-экономических проблем в странах Латинской Америки националистические проекты часто брали на вооружение и левые силы. Это стало своеобразной исторической традицией, начиная с революции 1959 г. на Кубе. Она начиналась как националистическая, но такие внешние условия, как международная обстановка разгара «холодной вой-

ны» в сочетании с геополитическим положением самой Кубы, направили идеологическое творчество Фиделя Кастро (1959—2008) и его соратников в сторону социалистической идеологии, и революция стала носить социалистический характер [7, с. 21-40].

Латиноамериканские левые XXI в. позиционируют себя как сторонники независимого национального пути в смысле неследования общезападным нормам либеральной демократии и рыночного нерегулируемого капитализма. Но концептуальные акценты их преобразований заставляют крайне дифференцированно подходить к ним именно как к националистам.

В первую очередь левые концентрируются не на национальных, а на народно-эгалитарных преобразованиях. Левые патриотические проекты последнего времени — от умеренных до радикальных Фиделя Кастро и его соратников были продуктом жестоких социально-экономических кризисов, вызванных перекосами неолиберального реформирования в 1980—1990-е годы. Поэтому первым фокусом внимания левых становилось избавление от этих недостатков, прежде всего, через более справедливое перераспределение национального дохода и широкие социальные гарантии. В одних случаях эта система была только элементом десарролистской модели, в других — существовала как самостоятельный социалистический проект. Так, боливарианист Уго Чавес в Венесуэле и идеолог «гражданской революции» Рафаэль Корреа в Эквадоре (2007—2017) ориентировались на концентрацию в руках государства нефтяной ренты с целью формирования системы широкого потребительского благосостояния, но это привело к становлению разных экономических моделей. У Чавеса сознательно избрал экстрактивный моноэкспортный подход; как отмечалось в Первом социалистическом плане 2007—2013 гг., доходы от нефти должны были «играть решающую роль для ... консолидации социалистической производственной модели» [8]. У Р. Корреа нефтепроизводство и модернизация нефтяной отрасли встраивались в планы импортозамещения нефтепродуктов и достижения энергетического суверенитета [9]. То есть, Корреа, скорее, был экономическим националистом, чем социалистом. Это отличало его от Чавеса и сближало с неболиварианскими десарролистами — Луисом Инасиу Лулой да Силвой (2003—2011) или Нестором Киришнером (2003—2007), которые также стремились создать диверсифицированный автономный национальный производственный потенциал, а социальная поддержка малоимущих в их проектах повышала емкость внутреннего рынка.

Другая причина выведения социальной повестки левыми в качестве приоритета — классовый подход. На первый взгляд, они придерживаются логики гражданского национализма, заявляя о своем стремлении к легитимному государству, выражающему волю народа. Но «народу» как основе нации в их интерпретациях придается не универсальное, объединяющее (в смысле «народ, имеющий свое государство, и есть нация»), а классовое звучание. Для левых «народ» становится синонимом обездоленных и средних слоев, которому противопоставлены «олигархия» (как в киришнеристской риторике) [10, с.21], «землевладельцы» (как у Чавеса) [11], «элиты», «те, кто хочет сохранить свои привилегии» [12, с.179] (как у Корреа). Высшие слои, тем самым, оказываются «исключены» из нации. Иными словами, нация для левых — не является незыблемой основой, а конструи-

руется конкретным политико-экономическим и идеологическим порядком. Так, Чавес определял нацию как «объединенный общей перспективой будущего народ», связывая эту перспективу именно с боливарианским социалистическим проектом, а также отмечая, что до социалистических реформ нация в Венесуэле «исчезала», и ее требовалось воссоздать [13, сс. 619, 622].

Наконец, — и это тесно связано с ограничительными трактовками народа и нации — для левых метафоры нации являются мощным инструментом для социальной мобилизации, противодействия политическим конкурентам и легитимации собственного проекта относительно прочих. Упомянутые «высшие слои» и «элиты», к которым в зависимости от ситуации могут причисляться любые политические оппоненты, тем самым, становятся у них объектами своего рода «национально-освободительной борьбы», обращенной внутрь государства.

Одним из важных следствий этого является то, что народно-национальные эксперименты могут приводить к эрозии предшествовавших им демократических структур. Иногда это оборачивается тяжелыми словами демократической институциональности, как в сегодняшней Венесуэле. Иногда — «мягкими» нарушениями системы сдержек и противовесов, как в Аргентине при Несторе Киршнере и Кристине Фернандес де Киршнер (2007—2015), где левонационалистические реформы проводились в конфронтационно-популистском стиле и опирались на «суперпрезидентскую» республику [14, с.37]. Когда демократические принципы не нарушаются, изменение институциональной реальности может стимулировать, например, давление на сложившуюся партийно-идеологическую традицию. В частности, А.М.Лопес Обрадор в Мексике воплощает требование «ренационализации» идеологии власти за счет отказа от либерально-консервативного проекта как доминирующего. Провозглашая себя «карденистом» [15], этот лидер «подает запрос» на возрождение прежней традиционной официальной идеологии — левого национализма, который исторически развивался на базе Институционно-революционной партии (Partido Revolucionario Institucional, PRI) — традиционной мексиканской партии власти, но со временем оказался переформатирован в свете праволиберальных идей [16, сс.139-141].

Другой стороной мобилизационного использования националистических чувств является нейтрализация с их помощью внутренней нестабильности. Здесь нужно обратиться к внешнеполитическим сюжетам: левые в непростой для них внутренней обстановке «разморозили» многие претензии на ресуверенизацию исторически спорных территорий. Например, в риторике правительства Эво Моралеса (2006 — н/в), возможности которого переизбраться в четвертый раз не вполне очевидны, характерными выглядят заявления о том, что Чили (в октябре 2018 г. Международный суд ООН вынес решение по резонансному территориальному спору между Боливией и Чили в пользу Чили) и оппозиция объединились для того, чтобы «дестабилизировать Боливию» [17]. В то же время националистический взгляд на проблему выхода Боливии к морю в принципе был центральным элементом программы Моралеса, сюжетом, на котором этот политик сделал свое имя.

В целом в вопросах внешней политики, как и в культурно-цивилизационных, современные латиноамериканские левые предстают националистами «без оговорок»: они акцентируют латиноамериканскую перифе-

рийность, самобытный и аномальный с точки зрения классического Запада политический и культурный опыт.

Все левые так или иначе были ориентированы на незападную и нередко откровенно антиамериканскую линию на международной арене, обрамляемую эмоциональной антиамериканской риторикой, примеров которой можно найти много — от Чавеса, сравнивавшего Джорджа Буша-младшего (2001—2009) с «дьяволом», до Кристины Фернандес де Киршнер, называвшей частные инвестиционные фонды из США, погрузившие Аргентину в долговую катастрофу, «стервятниками». Президента Мексики Лопеса Обрадора нельзя назвать классическим антиамериканским националистом, однако, признавая легитимность правительства Н.Мадуро (2013 — н/в) в Венесуэле, он противостоит сложившемуся в последние годы либерально-консервативному региональному мейнстриму во главе с США. Позиция Мексики по венесуэльскому кризису, защищающая принцип недопустимости вмешательства во внутренние дела суверенного государства, аргументируется вновь актуализированным историческим инструментом мексиканского национализма на международной арене — доктриной Эстрады* [18].

Левые, будучи сторонниками интеграции, были авторами важнейших латиноамериканских (южноамериканских) проектов в духе регионализма-паннационализма. Они опробовали две парадигмы: полную ревизию неолиберальной западной интеллектуальной традиции ради формирования сообщества антиимпериализма и «Социализма XXI века» и совмещение императива следования суверенным латиноамериканским интересам с общезападными нормами открытости, экономического либерализма и политической демократии. Первая воплотилась в континенталистском проекте Боливарианского альянса для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra America, ALBA*). ALBA с подачи чавистов стала конструктом буквального паннационалистического взгляда на существующее положение вещей: Чавес квалифицировал данную организацию как «нацию республик» [19, p.56]. Вторая — в Unasur и Сообществе стран Латинской Америки и Карибского бассейна (*Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC*), в формировании которых важную роль сыграли аргентинские и бразильские десаррольисты.

Все левые соединяли идеи расово-этнической инклюзивности с замыслами строительства нации. Здесь можно выделить два основных подхода — эмансипационно-ассимиляционный и мультикультурно-националистический. Первый воплощался боливарианскими Венесуэлой и Эквадором. Правительства этих стран заявляли об особом месте коренных народностей в структуре новой нации (показательны дискурсивные фигуры «полиэтническая нация» у Чавеса [20], «смуглая Родина» у Корреа [12, с.186]), но, проводя свои экономические реформы, они не могли обеспечить абсолют-

* Исторический принцип внешней политики, в соответствии с которым Мексика отказывалась, поддерживая отношения с иностранными государствами, исходить из признания или непризнания их правительств как легитимных. Был провозглашен в 1930 г. министром иностранных дел Хенаро Эстрадой и юридически не отменен до сих пор. Но в начале XXI в. переход Мексики при Висенте Фоксе (2000—2006) к открытой критике режима Фиделя Кастро (1959—2008) на Кубе позволил говорить о том, что от доктрины Эстрады временно отошли.

ного сохранения локальных индейских культур и, стремясь к улучшению социально-экономического положения их представителей, сворачивали к ассимиляционной политике [19]. Второй подход обособлял коренной элемент в строительстве нации. Так, в Бразилии правительства Партии трудящихся (Partido dos Trabalhadores, PT) с их позитивной дискриминацией дополнительно акцентировали «несмешиваемость» трех рас как основы бразильскости. «Левая» Боливия, еще до разработки правительством Моралеса Конституции 2009 г., вообще стремилась к отказу от идеи либерально-буржуазного национального государства во имя «индейского крестьянского социализма». Он предполагал не только культурную автономию, но и обеспечение политического суверенитета индейских групп, наделяемых статусом отдельных наций. Но такая модель никогда не была реализована на практике. В концептуальном смысле администрация Моралеса впоследствии также адаптировала классическую для либерального гражданского национализма установку на «национальное единство в многообразии», в соответствии с которой индейские идентичности провозглашались комплементарными относительно общей боливийской идентичности как национальной [21].

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ БРАЗИЛИИ И ЖАИР БОЛСОНАРУ

Пример Бразилии, избравшей Ж.Болсонару, требует внимания по двум причинам. Во-первых, в то время как левые патриоты и правые либералы-глобалисты до сих пор составляли мейнстрим региона, правый национализм — редкий феномен в Латинской Америке, прошедшей демократический транзит. Появление правого националиста у руля самой крупной и влиятельной страны региона тем более интересно с точки зрения возможного влияния на идеологические расклады не только в регионе, но и во всем Западном полушарии, где уже есть «фактор Трампа».

В Бразилии до Болсонару уже существовал вполне цельный исторический националистический проект. Он формировался длительное время как левыми силами, так и правыми военными режимами, опытом которых вдохновляется Болсонару. В этом смысле важно увидеть, насколько вообще справедливо говорить о наличии у этого президента собственного националистического проекта.

Для предшественников Болсонару — правительств PT — во внутривнутриполитическом плане бразильский националистический проект состоял из десарролизма и расширения возможностей социальной мобильности небелых в рамках концепции триединой расы как основы «бразильскости» [22]. Инструментом формирования продвинутой суверенной экономики и обеспечения сбалансированной расово-этнической идентичности левые политики делали широкую социальную инклюзивность. В риторике Лулы возможности возрастания национального самоуважения бразильцев связывались с решением проблем бедности и неравенства [23].

Болсонару же в целом выстраивает свой проект на том, что призывает к ликвидации означенных ориентиров как раз из-за их несоответствия логике общенационального развития, узкоклассовости и идейной ангажированности («коммунизм», «культурмарксизм»). Но считать его проект релевант-

ной в рамках этой критики националистической альтернативой не позволяет ряд моментов. Во-первых, «гражданская нация» Болсонару так же конструируема и еще более дискриминационна. Идеалы консервативных ценностей и свободного капитализма в его трактовке тоже подрывают логику национального единства и не могут претендовать на то, чтобы создать какой-то новый более универсальный ракурс, чем это сделали левые. Свидетельствами могут послужить призывы Болсонару одновременно контролировать на государственном уровне рождаемость у бедных [24] и защищать ценности семьи или же установки его правительства на достижение национального экономического процветания без намерения решать проблему социального неравенства и поддерживать небелое население. Такой социально дискриминационный «элитистский» национализм в истории Бразилии уже существовал в годы господства правых военных диктатур: экономическое процветание без социальной инклюзивности являлось основой философии бразильского «экономического чуда» 1969—1973 гг. Определенное идейное родство этих исторических опытов и националистических построений Болсонару очевидно.

Во-вторых, в возможностях формирования националистической макроэкономической модели Болсонару ограничен универсальной бразильской реальностью — влиянием на любой государственный курс «глубинных» элитарных групп. В частности, при всем своем экономическом национализме и этатизме лидеры из РТ не смогли изменить налоговую политику, которая была выгодна большому агробизнесу — старой олигархической элите. Болсонару пришел к власти, опираясь как на либерально настроенный крупный бизнес, так и, например, на военных, которые являются десаррольистами. Степень «государственничества» или, напротив, открытости его макроэкономической модели, будет определяться консенсусом, к которому придут стоящие за ним элиты. То есть, у Болсонару есть возможность выдерживать либертарианский курс или, как левые, сместиться к экономическому национализму, и фактор его личности и убеждений ни в каком из упомянутых вариантов не будет главным.

В-третьих, в национализме Болсонару тоже выражен мобилизационно-популистский момент. Сам образ Болсонару-лидера сформировался в результате того, что он противопоставлял себя социал-демократическому истеблишменту, а также борьбы с общепринятыми правилами игры и трактовками политических и социальных событий [25]. Поэтому нация в его риторическом поле представлена как синоним восстановления некоего «естественного хода вещей» вне рамок сконструированных ранее идей и институтов. Так, например, Эрнесту Араужу — министр иностранных дел и одна из ключевых личностей команды Болсонару — заявил, что его «национализм — это не экономическая и политическая доктрина... а тоска по Богу» [26]. В этом выражении можно увидеть не только общий консерватизм убеждений, но и метафору отказа от устоявшихся обязательных элементов публичной политики. Таким образом, во внутривнутриполитическом плане национализм Болсонару — это специфическое сочетание адаптации исторических правонационалистических опытов, зависимости от межэлитарного консенсуса и патетики борьбы с социал-демократическим истеблишментом.

Внешнеполитический проект «Бразилия как мировая держава» также относится к историческим формам внешнеполитического и континенталистского национализма в этой стране. В XXI в. в нем можно выделить три главных элемента:

- депериферизация Бразилии за счет акцентирования ее взаимодействия либо с изначально «центральными» западными (США), либо с влиятельными и такими же депериферизирующимися незападными игроками;
- формирование ареала «южноамериканскости», в котором Бразилия бы доминировала и могла бы говорить от имени всего региона на мировой арене;
- общее стремление к глобальной внешней политике Бразилии, ее активному присутствию на мировой арене в разных ипостасях.

Для Болсонару указанные выше принципы в целом справедливы, хотя акценты расставляются принципиально иным образом, чем у его предшественников демократического периода и особенно левых. Например, в то время как для РТ было важно сотрудничество с представителями глобального Востока и Юга, Болсонару придает особое значение вектору США и развитых стран как несущих идею государственной «нормальности». Объявляя себя противником глобализации, хотя по-настоящему антиглобалистской его повестка не является, этот лидер также стремится включить Бразилию в сообщество традиционного Запада, где антиглобализм сейчас становится частью идейно-политической нормы. Интеграция в Общий рынок стран Южной Америки (Mercado Común del Sur, Mercosur) и Unasur, которая позволяла Бразилии претендовать на статус благожелательного гегемона в регионе, поддерживающего безопасность, демократическую стабильность и экономический прогресс, не является приоритетом для Болсонару. Например, его правительство намерено убрать символику Mercosur с вновь выпускаемых паспортов, с тем, чтобы «укрепить национальную идентичность» [27]. Но само по себе южноамериканское континентальное пространство остается важным для бразильского самопозиционирования на международной арене, хотя фокус здесь и переносится на жесткие аспекты лидерства. Так, в связи с подключением к венесуэльскому кризису внешних игроков, Болсонару отмечает, что Бразилия должна «располагать военным превосходством в южноамериканском регионе» [28].

Апелляции к имперскому историческому опыту Бразилии, с сегодняшними приверженцами которого нынешний президент довольно близок [29], можно считать специфическим атрибутом националистического сознания Болсонару. Но в целом романтизация имперского прошлого тоже символизирует «западнический» поворот в бразильском самопозиционировании в мире. Она отсылает к норме активного соучастия страны в делах «цивилизованных» игроков с традиционной культурой социального консерватизма и воплощает стремление новой власти выстроить для Бразилии некую позитивную исключительность на фоне нестабильности многих соседних стран.

ПЕРОНИЗМ В ИСТОРИИ И НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ. ПУТЬ К СИСТЕМНОСТИ

Выше мы коснулись опыта левого национализма, связанного с президентствами Нестора Киршнера и Кристины Фернандес де Киршнер. Кирш-

неризм является одной из современных разновидностей перонизма — крупной традиционной националистической концепции. Перонизм относят к немногочисленным примерам изначально массовых националистических проектов [5, сс.74-85] в регионе. Эволюционируя, к XXI в. он принял вид системной политической силы Аргентины.

С одной стороны, традиционный перонизм, зародившийся в 1940-е и связанный с именами Хуана и Эвы Перон, и современный ориентированы на разную политическую реальность. Исторический перонизм существовал в условиях актуальности мифа о величии и особом пути Аргентины, предполагавшем возможность стать «вторыми США» и войти в клуб игроков первого мира. Его концепты «Новой Аргентины» и «Счастливой Родины» [30, сс. 63, 211] были ответом на экономическую стагнацию и внутривнутриполитическую конфронтационность 1930-х годов, которые подвели черту под периодом единства и процветания начала XX в. и формировали утопию о национальном возрождении, быстром и независимом развитии, классовом сотрудничестве. Достижение утопии «национального величия» предполагало «Национальную революцию» и, соответственно, делало оправданными авторитарно-мобилизационные практики — сам исторический перонизм был продуктом каудильистского переворота. Для современного перонизма исходными константами являются свершившееся крушение мифа об аргентинской исключительности и перенос фокуса политического дискурса на преодоление издержек полупериферийного положения страны как данности. Можно назвать два главных фактора неактуальности мифа об аргентинском величии: утрата страной способности оспаривать у Бразилии первенство в регионе, главным образом, по экономическим причинам [31, с.163] и Фолклендская война, в которой страна потерпела поражение от одной державы первого мира при попустительстве другой, вопреки фразеологии солидарности американских республик. На современный перонизм также воздействует негативная память о военной диктатуре, которая требует помещать перонистский национализм в рамки демократической институциональности.

Но, с другой стороны, из-за ряда условий перонистская историческая традиция оказалась весьма адаптивной и смогла быть актуализирована в XXI в. Первое условие, на наш взгляд, — сама концепция национализма. Перонизм понимает гражданскую нацию как «сообщество всех аргентинцев», производное от каких-либо государственных форм. Нация является надклассовой социальной корпорацией, обеспечивающей «сотрудничество» между «трудом и капиталом при опеке государства», хотя для целей политической мобилизации и борьбы перонизм опирается и на дискриминационную символику. В перонистском мировоззрении существует «хороший» — «здоровый», «гуманный» капитал, что предполагает «легитимность» репрессий против других его форм, олицетворяющих оппонентов перонистской идеологии. Народ в значении «широкие массы» объявляется естественным источником величия нации, из чего следует требование существования государства, основанного на социальной справедливости. Она может проявляться как в повышении зарплаты рабочих («левые» меры), так и в заботе о крепости семьи («правые» меры) [32]. Материальными проявлениями национального величия для перонизма служат модернизация, индустриализация, достижение экономической независимости [33]. Нематериальные проявления выражены общими категориями патриотизма,

христианской морали, этики социально-гражданской солидарности и ответственности [34, сс. 211-213]. «Третьемирскость» и латиноамериканский континентализм — основа перонистского позиционирования Аргентины на международной арене [34, сс.322-325]. Хотя не исключаются и другие формы: в «Перонистской доктрине» (1947) встречается символика панамериканского (к пантеону исторических творцов цивилизационно-геополитического пространства Аргентины, помимо Симона Боливара и Хосе де Сан-Мартина, причисляется Джордж Вашингтон) и глобального позиционирования страны [32].

Таким образом, перонистское националистическое мировоззрение изначально произвело довольно универсальные смыслы, которые могут приспособиться к разным идеологическим и режимным контекстам. Тот факт, что сам Хуан Доминго Перон (1946—1955, 1973—1974) использовал свою концепцию крайне оппортунистски, относя на счет дела «Национальной революции» то национализацию промышленности, то открытие дверей для европейских и американских инвесторов, и то, что впоследствии в перонистском лагере оказались одновременно неолиберал, сторонник «кровных отношений» с США Карлос Менем (1989—1999) и десарролист-континенталист Нестор Киршнер, подтверждает данный тезис.

Второе условие — конфигурация партийно-политической системы Аргентины, в которой зарождался и функционировал перонизм-национализм. К середине XX в. она приобретала современный вид, так что перонизм как партийно-политическая сила изначально усвоил принципы ведения массовой политики и идеологической триангуляции, и в дальнейшем они предопределили его выживаемость. Так, в своей изначальной версии перонизм стал позиционироваться как универсальная альтернатива либеральному капитализму и социализму (так называемый третий путь). В XXI в. это превратилось в огромный фрагментированный набор отдельных течений и партий, включая историческую Хустисиалистскую, объединенных такой же синтетической идеей независимого развития и критического отношения к глобализации [35].

Можно сказать, что сама адаптивность концепции, историческая привычка к триангуляционным практикам и потребность к удержанию власти подстроили перонизм к модели «универсальной партии». В этом отношении он вынужден постоянно внутренне перестраиваться, учитывая запросы «среднего избирателя» на экономическое процветание, широкую правозащиту, социальную толерантность государства при соблюдении либерально-демократической традиции. А также обмениваться концептами со своими оппонентами — тоже широким и идеологически пестрым лагерем, где сосредоточены глобалисты как либерально-консервативного, так и социал-либерального плана в лице Радикального гражданского союза (Unión Cívica Radical, UCR), Альянса «Изменим» («Cambíemos»), Гражданской коалиции (Coalición Cívica) и других [36].

На практике эти тенденции проявляются следующим образом. Краеугольным камнем внутривнутриполитического измерения современного перонистского национализма является десарролистская идея. Десарролизм Н.Киршнера и К.Фернандес де Киршнер соединялся с персоналистски-популистским стилем ведения дел, разочаровавшим многих избирателей. Вследствие этого возник широкий общественный запрос на государство развития без нарушения демократической нормальности. Перонисты стали адаптироваться к нему: возникли «антикиршнеристские» течения, напри-

мер, «обновленческий» перонизм Серхио Массы, предполагающий сохранение социальных обязательств и экономического участия сильного государства, но в условиях соблюдения принципов сдержек и противовесов, предсказуемости, диалога с оппозицией [37]. Либеральные соперники перонистов, включая нынешнего президента Маурисио Макри (2015 — н/в), тоже восприняли это электоральное предпочтение: в официальной риторике они стали причислять себя к десарролистам [35].

Такие внешнеполитические ориентиры перонизма-киршнеризма в XXI в., как выведение в приоритет южноамериканской интеграции и акцентирование антиамериканского и незападного векторов, рассматривались нами как специфическая левонационалистическая повестка. Но с точки зрения диффузии идей через центр политического спектра интересен другой сюжет — актуализация вопроса о принадлежности спорных с Великобританией островов. Так, требование разрешения в пользу Аргентины «мальвинской проблемы» сегодня инкорпорируется в программы не только различных течений перонистов [38], но и некоторых оппозиционных им леволибералов [39].

Современные метаморфозы перонизма, происходящие в условиях демократической традиции, показывают, что национализм может быть «переварен» политической системой без ее дестабилизации, если: а) сама националистическая сила воспримет смещение к центру для преодоления издержек от неследования требованиям «среднего избирателя» и удержания власти; б) националистическая повестка будет триангулирована конвенциональными партиями. В этом смысле аргентинский перонизм оказался, с точки зрения адаптивности своих концептуальных положений, более успешной и жизнеспособной силой, чем, например, голлизм во Франции. Голлизм тоже исторически ориентировался на массовую политику, в свое время был доминирующей силой и на этом фоне постепенно продвигался от позиции «третьего пути» к центру идеологического спектра. Но мировоззренческие подстройки привели его к полному идейному перерождению, в результате которого современные голлисты в принципе утратили присущие им старые националистические убеждения (требования активного вовлечения государства в экономику, критическое отношение к проектам англосаксонского Запада и замыслам наднациональной Европы и т.д.). Поскольку системные силы во Франции не «подхватывали» эту повестку, а электоральный запрос на нее сохранялся, еще с конца XX столетия, ее восприняли новые националисты радикального толка — Национальный фронт (Front National, FN).

Надо сказать, что и в Аргентине в XXI в. появились новые радикальные националистические организации и лидеры, такие, как, например, эксцентричный праворадикал Алехандро Бьондини («Bandera Vecinal» («Местный флаг»)* или парламентарий-ультраконсерватор Альфредо Ольмедо, который собирался участвовать в президентских выборах 2019 г. и получил в СМИ прозвище «аргентинского Болсонару» [40]. Однако, с учетом выявленных закономерностей, есть основания считать, что, пока перонисты будут сохранять свой статус ключевых репрезентаторов националистической

* Основанная в 2012 г. националистическая и, по некоторым признакам, даже нацистская партия, законность деятельности которой не раз подвергалась сомнению судами Аргентины. В государственном масштабе является маргинальной.

повестки, ее серьезной радикализации на общенациональном уровне и выхода из-под контроля устоявшихся демократических традиций Аргентине удастся избежать.

В результате исследования можно сделать следующие выводы.

В Латинской Америке XXI в. национализм совместим с различными идеологическими контекстами. Концепции гражданского национализма в регионе деформируются социально-дискриминационными подходами и мобилизационным использованием националистической символики как у левых, так и у правых. Об этом можно судить на примере Ж.Болсонару. Аргентинский перонизм представляет относительное исключение из-за его высокой внутренней гетерогенности, «врожденных» установок на участие в массовой политике и идейного оппортунизма. Главными авторами актуальных культурно-цивилизационных и континенталистских форм латиноамериканского националистического мировоззрения являются левые. Внешнеполитическим измерением национализма для левых сил становятся романтизация периферийного качества, часто антиамериканизм, а для правых, напротив, — депериферизация за счет сопричастности ценностным установкам и делам развитого Запада.

Национализм обладает большим мобилизационным потенциалом и легко адаптирует популистские приемы, поэтому может вести к разрушению структур и духа демократии. Однако возможности националистов перейти к авторитарному или квазиавторитарному правлению зависят от специфики политической системы, в которой они функционируют и от их конкретной стратегии завоевания электората.

С одной стороны, националистические эксперименты в регионе имеют реактивную природу относительно динамики развитого Запада. С другой стороны, в ряде случаев условия эволюции латиноамериканского национализма сопоставимы с теми, что имеются в западном мире. Это приводит к мысли о том, что и пути отдельных типов национализма в Латинской Америке и на Западе можно сопоставлять как явления сходной логики.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Brazil: Steve Bannon to Advise Bolsonaro Presidential Campaign. *TeleSur*, 15.08.2019.
2. Alto índice de migrantes deportados por AMLO. *La Izquierda Diario*. 06.04.2019.
3. Comini N., Frenkel A. Unasur. De proyecto refundacional al fantasma del Sudamexit. *América Latina y el Caribe frente a la encrucijada actual de la globalización. Anuario de la Integración Regional de América Latina y el Caribe*, 2016, N13, CRIES, pp. 181-208.
4. Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Латинская Америка между ОАГ и СЕЛАК. *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, № 4, с. 90–100. [Kheifets V.L., Khadorich L.V. Latinskaja Amerika mezhdou OAG i SELAK [Latin America between OAS and CELAC]. *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 2015, N4, pp. 90–100] (In Russ.)
5. Шульговский А.Ф. (отв. ред.). *Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения*. М., Наука, 1976. 369 с. [Shul'govskij A.F. (otv. red.). *Nacionalizm v Latinskoj Amerike: politicheskie i ideologicheskie techeniya*. [Nationalism in Latin America: political and ideological movements]. Moscow, Nauka, 1976, 369 p.
6. Rivera S. Latin American Unification: a history of political and economic integration efforts. Jefferison, North Carolina, McFarland&Company, Inc., 2014 308 p.
7. Фурсенко А.А., Нафтали Т. Безумный риск. Секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. М., РОССПЭН, 2016, 511 с. [Fursenko A.A., Naftali T. Bezumnij risk. Sekret-naya istoriya Kubinskogo raketnogo krizisa 1962 g. [Crazy risk. Secret history of the Cuban missile crisis 1962]. Moscow, ROSSPEN, 2016, 511 p.

8. Primer Plan Socialista 2007—2013. Punto VI.
9. Callejas Larrea B. Nacionalismo petrolero en El Ecuador durante el gobierno de Rafael Correa. Available at: <http://dspace.udla.edu.ec/bitstream/33000/6868/1/UDLA-EC-TLCP-2017-21.pdf> (accessed 04.04.2019).
10. Sidicaro R. El partido pe ronista y los gobiernos kirchneristas. *Nueva Sociedad*. N234, julio-agosto de 2011, pp.74-94.
11. Chávez saquea a los «terratenientes» españoles. *La Razon*. 01.09.2010.
12. Zepeda B. Construyendo la nación en el siglo XXI: La 'patria' en el discurso del Presidente Correa. *Transiciones y rupturas. El Ecuador en la segunda mitad del siglo XX (coord. F. Burbano de Lara)*. Quito: FLACSO, Sede Ecuador: Ministerio de Cultura, 2010.
13. Eastwood J. Contextualizando a Chávez: el nacionalismo venezolano contemporáneo desde una perspectiva histórica. *Revista Mexicana de Sociología* 69, núm. 4 (octubre-diciembre, 2007), pp. 605-639.
14. Яковлева Н.М. Аргентина: переход к "старой норме". *Латинская Америка*. 2016, №2. с.35-49 [Yakovleva N.M. Argentina: perekhod k "staroj norme" [Argentina: transition to the "old norm"]. *Latinskaya Amerika*. 2016, N 2, pp.35-49. (In Russ.)
15. Ni chavismo, ni trumpismo, pero sí mexicanismo, aclara AMLO. *Excelsior*. 14.03.2018.
16. Хейфец В.Л., Роблес Эррера А. Между США и миром: внешняя политика Мексики в XXI веке. *Актуальные проблемы экономики и управления*, 2014, № 2. сс. 139-146 [Jeifets V.L., Robles Herrera A. Mezhdru SSHA i mirom: vnesnyaya politika Meksiki v XXI veke [Between the US and the world: Mexican external policy in XXI century]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i upravleniya*. 2014, N 2. pp. 139-146 (In Russ.)
17. 'Oposición y Chile colaboran para desestabilizar a Bolivia'. *HispanTV*. 03.11.2017.
18. Qué es la 'doctrina Estrada', el principio por el que México rechaza intervenir en Venezuela. *Sputnik*, 26.01.2019.
19. Narvaja de Arnoux E. El discurso latinoamericanista de Hugo Chávez. Buenos Aires, Editorial Biblos, 2008, 180 p.
20. Orellano J. Derechos de los pueblos indígenas en Venezuela y el problema del reconocimiento. *Antropologica*, 2016, vol.34 no.36. Available at: http://www.scielo.org.pe/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0254-92122016000100006 (accessed 12.04.2019).
21. Makaran G. Nación de naciones? (Pluri)nacionalismo boliviano en el gobierno de Evo Morales. *Religación. Revista de Ciencias Sociales y Humanidades*, 2016, Vol. I, N 4, pp. 9-29.
22. Guimaraes A.S.A. Democracia racial: el ideal, el pacto y el mito. *Estudios Sociológicos*. Vol. 20, N59 (May-Aug., 2002), pp. 305-333
23. Mékie Pereira L. Nação e Nacionalismo No Discurso do Presidente Lula. *XX Encontro Regional de História — ANPUH SP*, 2010, Franca. Anais do XX Encontro Regional de História. FRANCA/SP: UNESP/ANPUH/SP, 2010.
24. Bolsonaro defendeu esterilização de pobres para combater o crime e a miséria. *Gazeta do Povo*, 11.06.2018.
25. Окунева Л.С. Президентские выборы 2018 г. в Бразилии: буря и натиск. *Латинская Америка*. 2018, № 12, сс. 22-36 [Okuneva L.S. Prezidentskie vybory 2018 g. v Brazilii: burya i natisk [Presidential elections 2018 in Brazil: *sturm und drang*]. *Latinskaya Amerika*. 2018, N 12. pp. 22-36 (In Russ.)
26. Nacionalismo, liberalismo y Make Brasil Great Again. Available at: <http://www.resumendelsur.com/2018/11/16/make-brasil-great-again/> (accessed 17.04.2019).
27. Efecto Bolsonaro: Brasil eliminará el símbolo del Mercosur de los pasaportes. *El Cronista*. 24.01.2019.
28. Por la presencia rusa en Venezuela, Bolsonaro no descarta la instalación de una base estadounidense en Brasil. *Infobae*. 04.01.2019.
29. Houston M. An Heir to Brazil's Monarchy Enters the Political Ring. *Americas Quaterly*. 26.07.2018.
30. Poderti A.E. Peron: La construcción del mito político 1943-1955. *Tesis de posgrado*. Universidad Nacional de La Plata. Facultad de Humanidades y Ciencias de la Educación. En Memoria Académica. 270 p.
31. Мартынов В.Ф. Бразилия — гигант в глобализирующемся мире. М., Наука, 2008, 320 с. [Martynov V.F. Braziliya — gigant v globalizirujushhemsja mire [Brazil - giant in globalizing world]. Moscow, Nauka, 2008, 320 p. (In Russ.)

32. Perón J.D. *Doctrina Peronista: filosófica, política, social*. 1947. Available at: <http://peronistakirchnerista.com/doc/1.3.a.filosofica.1947.pdf>. (accessed 01.04.2019).
33. Cicalese G. *La nación argentina: justa, libre, soberana. Un atlas nacional para representar el mundo peronista (ensayo de interpretación)*. Available at: <http://nulan.mdp.edu.ar/2958/> (accessed 10.04.2019).
34. Perón. *Modelo argentino para el proyecto nacional (1974)*. Buenos Aires, Biblioteca del Congreso de la Nación, 2015 (2a edición), 331 p.
35. Lapper R. *Macri's Argentina: is this time different? Americas Quarterly*. 18.03.2018.
36. Fernández Díaz J. *Kirchnerismo bolivariano del siglo XXI. La Nación*. 29.05.2010.
37. Sarasqueta G. *El archipiélago peronista. Nueva Sociedad*. Septiembre 2016. Available at: <http://nuso.org/articulo/el-archipelago-peronista/> (accessed 20.03.2019).
38. *Hacen cola para criticar a Macri por Malvinas. Página 12*. 23.12.2016. Available at: <https://www.pagina12.com.ar/diario/elpais/1-310108-2016-09-23.html> (accessed 12.04.2019).
39. *Acuerdo por Malvinas: la Coalición de Carrió pide que intervenga el Congreso. Clarín*. 18.09.2016.
40. De Angelis C. *Bolsonaro argentino ¿estás ahí? Perfil*. 14.10.2018.

Lazar S.Jeifets (ilaranspb@hotmail.com)

Doctor of History, Professor. Saint-Petersburg State University, Faculty of International Relations, Department of American Studies

Kseniya A.Konovalova (misssienna@yandex.ru)

Saint-Petersburg State University, Postgraduate Student

1/3, Smol'nog Str., 191060 Saint Petersburg, Russian Federation

Nationalism in Latin America in XXI century: ideas, metamorphosis, cases

Abstract. The article explores the specificity of the Latin American nationalism in 21st century in its connection with the international context. The study is based on the classification method and the historical-comparative method. Construing the nationalism broadly, as the idea of a nation as the superior political value and social community, the authors first make brief remarks on the origins of contemporary Latin American nationalism and formulate its types. Then, three regional examples are analyzed: the nationalism of the “new left”, the right-wing nationalistic project of J. Bolsonaro in Brazil, modern Argentine Peronism as “centrist” nationalism, which was formed on the basis of a mass political movement. Thus, the authors show how nationalism can be combined with various ideological and regime contexts. The article focuses on the practical implementation of nationalist worldviews in the political course of leaders and parties, as well as discursive ones. The fact that the issue raised by the authors is not sufficiently disclosed in modern Latin American studies in Russia yet accounts for the theoretical importance of the present study. At the same time, analysis of the modern forms of Latin American nationalism makes it possible to see the current political and ideological dynamics of the region as a whole more fully.

Key words: Latin America, nationalism, continentalism, Bolivarianism, Peronism, developmental state.

DOI: 10.31857/S0044748X0006407-6

Received 30.04.2019.